

Леонид ФИЛАТОВ:

Известия. — 2000. — 30 янв. — с. 6

У меня нет ощущения, что я чего-то недоиграл

В канун Нового года состоялась премьера — Сергей Виноградов выпустил спектакль «Опасные, опасные и очень опасные связи»: пьеса по мотивам романа Шодерло де Лакло написал Леонид Филатов.

В последнее время Филатов редко появляется на публике: говорили, что он тяжело болен и ему больше не суждено выйти на сцену... После спектакля прошло несколько дней, и я встретился с Филатовым: новогодняя елка, диктофон, стоящий возле чашек с чаем, трущийся о ноги толстый белый кот, изменившийся до неузнаваемости голос хозяина дома.

— Чем вас заинтересовал Шодерло де Лакло?

— Это очень театральная история, история, ставшая мифом, и значит, здесь можно дать не сюжет, а эпоху. А я люблю пьесы-стилизации, — хотя по спектаклю о том, что я сделал, судить нельзя, пьесы там не осталось. Но я не из тех самолюбивых сочинителей, которые на все обижаются. Для меня важнее результат. Хотя рецензии наверняка будут самыми разными...

— Много лет назад я брал у вас интервью в первый раз — на «Таганке» еще работал Эфрос, и внутритеатральная война была в разгаре. Тогда трудно было предположить то, что со всеми нами случится...

— Эфроса уже нет, и я очень надеюсь, что это произошло не из-за тех наших боев. Он не ожидал, что «Таганка» примет его приход как оскорбление — и я до сих пор считаю, что он был обязан подумать, прежде чем соглашаться. Эфрос, человек редкого душевного чутья, не сообразил, что это социально — да и морально — некрасиво. Нужно было начать с переговоров с труппой, заручиться ее согласием, проявить уважение к людям. А он пришел как поставленный свыше начальник к

холюям, которые будут делать то, что он скажет. Но ведь любое сватовство предполагает взаимность... Я защищал мир, который не был таким, этот мир был моим. Приходить в него было нужно по-людски.

— Что осталось от прежней «Таганки»?

— Я не был там много лет, не видел последних спектаклей Юрия Петровича, не знаю, что делает Коля Губенко. Но если бы спектакли Любимова меня разочаровали, то у этого было бы достойное объяснение. Леонид Ярмольник замечательно сказал о Юрии Петровиче: «Дай нам Бог дожить до этих лет и не путать унитаз с рукомойником — большое будет достижение». А он делает полноценные, осмысленные спектакли.

— Во время конфликта между Любимовым, Губенко и артистами старой «Таганки» вы оставались в стороне...

— Просто я не общался с прессой. Но я поддерживал Николая: мне было очевидно, что правда — пусть временная — здесь. Совершенно ясно, что история склонит голову на плечо Любимову, но ведь это же не упраздняет морали...

— Те, кто поддерживал Юрия Петровича, говорили, что он отец, а актеры — его дети и этот дом построил он...

— Заслуги и славу, сделанное и возведенное никто у него и не отнимает. Но нельзя же считать людей за плесень на стенах: они служили ему и театру без славы, без званий, безденежно, как гребцы на галере. Ни квартир, ни зарплат — ничего... Из всей старой «Таганки» в лицо можно узнать лишь нескольких человек.

— Зато все, кто работал в театре, чувствовали свою принадлежность к клану избранных, и это давало вам...

— Внутреннее право вести себя так, а не иначе. И эта иллюзия силы и внутренней правоты была связана с именем Любимова. Удары начальства доставались ему, а не нам, он был олицетворением клана, большой семьи, к которой мы все принадлежали.

— Мне казалось, что в старой «Таганке» — при всей ее созидательной силе — было и раз-

рушительное начало. Одной рукой Юрий Петрович строил, другой разрушал...

— Сильно увлекаться политической борьбой вредно для мозга, рано или поздно ты начнешь путаться. Человек раз и навсегда расставит плюсы и минусы, а мир-то меняется. Отсюда некоторая грубость ощущений, грубость мировоззрения. В нашей сегодняшней жизни все очень неоднозначно: тот прав — но на перспективу, а этот отстаивает вещи, которые могут быть полезны сейчас... Конечно, тут и интеллигенция наша виновата — очень уж она у нас задорная, очень уж хотела бежать впереди прогресса.

— Когда наметился кризис внутреннего братства «Таганки»?

— Очень давно. Дело было не только в театральных людях, но и в самом Любимове, в его частых отъездах за рубеж. (Поэтому-то Сталин после войны и сажал тех, кто увидел другую жизнь.) Ее увидел и Юрий Петрович — история его выдворения на самом деле проста. И его пребывание за рубежом, и его возвращение имеет демократически бойкое объяснение. Но есть и другая, не такая красивая версия, о которой мне не хотелось бы говорить.

Впрочем, дело было только в Любимове. Мы все старели, а театр — дело одного поколения, и продлить его жизнь нельзя — сколько новых сил ни вливай.

Внутренний кризис «Таганки» начался, когда наше поколение устало — сил на общественные эскапады уже не хватало, да и на спектаклях было тяжело. Одно дело, когда «Пугачева» играют мо-

лодые мальчишки, другое — те, кому под сорок—пятьдесят. И сердце не то, и дышалка сдает, все в поту, и большинство уже не держит дистанцию...

— Как это проявлялось в отношениях?

— Актерская профессия предполагает честолюбие, а одни из нас снимались очень много, другие же совсем не появлялись на экранах. Но для кино артиста подает театр — на сцене я должен стоять не там, где меня видно. Раздражение вырывалось на поверхность: кто-то обижался, кто-то отказывался играть...

«Таганка» сыграла свою роль и реанимации не подлежит. И сам Юрий Петрович не подлежит реставрации. Любимов гений: у него нет большого обривания, зато он, как зверь, чувствовал, что носится в воздухе. Но с годами это чутье исчезает. Тем более сейчас в стране происходит такое, что не могут сформулировать и молодые люди. Среза сегодняшней жизни нет в прозе, никто не может понять, в каком, собственно, мире мы живем. Такое уж у нас сейчас время-безвременье: чтобы его увидеть, надо от него отойти.

— Как вы сейчас живете, чем занимаетесь?

— Больше я не могу стоять на сцене — теперь я на ней сижу. Иногда я выхожу минут на десять в концертах вместе с моими товарищами, Качаном, Задорновым... Но о том, что прошло, я не жалею. Хотелось бы быть помоложе и поздоровее, но у меня нет ощущения, что я чего-то недоиграл.

— Вы увлекались многим — снимали кино, писали...

— Это все баловство, хобби налево: я мог снимать фильм, а мог и не снимать. У меня нет хобби, которое могло бы меня развлечь, но чем-то ведь заниматься надо... Поэтому я и царапаю бумагу.

Сейчас я сделал заказ для «Современника» — к юбилею театра Миша Ефремов будет ставить «Голого короля». К тексту Шварца нынче вернуться нельзя, и они попросили, чтобы я написал о голом короле еще раз. Я не пытаюсь обскакать Шварца, но надо понимать, что пришло другое время — исчезли иносказание и эзопов язык. Другое дело, что качество шуток от этого изменилось — и не в лучшую сторону. Нужно было искать эквивалент сегодняшней речи, но при этом делать ее более качественной.

— Выходит, вы написали пьесу на языке, который ненавидите?

— Им говорит телевизор, а значит, и наиболее активная часть населения. У некоторых из моих персонажей остались шварцевские имена, другие преобразились — в пьесе действуют ткачи и политехнологи, которые советуют королю выйти голым...

— Вы были счастливы...

— На «Таганке». Там была нормальная жизнь, там я полюбил и женился. Я пришел на «Таганку» в двадцать один год, ушел, когда мне было за сорок — без малого через тридцать лет... Отношения складывались по-всякому — жизнь далека от идеала. Но Учитель остался и останется человеком, которому я обязан очень многим.

Алексей ФИЛИППОВ

Филатов Леонид 30.12.2000